



## *ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*

В истории России с древнейших времен насчитывают всего шесть генсеков. Самым первым был Сталин. Он был Генсек Великий или, если угодно, Грозный. Он рыл каналы и строил города, побеждал врагов и карал негодяев. Его сменил Хрущев — Генсек Дурной. Он таскал мусор на могилу Великого и показывал кузькину мать. За ним пришел Брежнев — Генсек Добрый. Он сделал свой народ снаружи сильным, а внутри слабым. Потом пришел Андропов — Генсек Строгий. Он не велел уходить с работы в кино и хотел узнать, какое общество мы построили. Следующим стал Черненко — Генсек Бедный. Он был одиноким — и его сразу сожрали. Последним возник Горбачев — Генсек Кровавый, очень похожий на бывшего у нас в начале прошлого века последнего императора.

Оба — и генсек, и император, больше всего на свете любили самих себя и тяготели к либерализму. Император писал манифесты и давал свободы. При нем возникло множество разнообразных союзов, которые вырабатывали наказания. Керенский даже сказал, будто Россия тогда «обсоюзилась». При генсеке вся страна тоже писала программы, а народ должен был выбирать лучшую, пока Гавриил Попов рылся у него в карманах.

Император проиграл две войны и тащился от немцев. Генсек проиграл все до подштанников, тащился от немцев, американцев, евреев и всех других, — к западу от советской границы.

Император был подкаблучником, при нем государством правила его жена Алиса-Виктория-Елена-Бригитта-Луиза-Беатриса Гессенская. Генсек также был подкаблучником. Его супруга Раиса Максимовна членов Политбюро за чубы, конечно, не таскала, но работать учила. Об этом, между прочим, неплохо рассказал бывший политбюровец Лучинский.

У императора было свое ГКЧП, после которого в марте 17-го он сбежал со своего поста, бросив Россию на произвол судьбы. У генсека тоже было ГКЧП, после которого он сбежал со своего поста 25 декабря 1991 года.

После императора Россия умылась кровью и слезами так, что мало никому не показалось. После генсека Россия тоже умылась кровью и слезами, но кое-кому пока еще кажется мало.

\* \* \*

Если попытаться охватить мысленным взором весь жизненный путь, пройденный Горбачевым, то станет сразу же видно, что пиковым моментом на этом пути стало избрание Михаила Горбачева в марте 1985 года генсеком ЦК КПСС. В дальнейшем он всего лишь конвертировал у западных менял эту высокую должность на кучу вышеозначенных денежных премий, медалек и прочих малополезных для спасения души прибамбасов. Сдается мне поэтому, что тому, кто узнает секрет проникновения Горбачева на место лидера самой влиятельной в мире политической партии, откроется тайна и всей его фантастической карьеры.

Должен признаться, что на первых порах, т.е. в далекие теперь уже от нас 80-е, все в истории прихода Горбачева к власти представлялось мне предельно ясным. Ну как же, кто не знает: брежневское руководство впало в старческий маразм, после чего дружно вымерло. И тогда, под давлением всенародного недовольства, партийная верхушка была вынуждена призвать на царствие молодого, но тем не менее уже умудренного жизненным и политическим опытом Горбачева, чтобы он сделал перестройку. Было, было время, когда, подобно многим советским простакам, и я искренне верил в эту клюкву, радовался избранию Горбачева генсеком.

Но с тех пор много воды утекло. Стали известны многочисленные факты, в совокупности которых просматривается совсем иная, загадочная и мрачная, по моим ощущениям, история проникновения Горбачева к высшей власти в СССР, окрашенная местами в кроваво-черные тона воистину шекспировской трагедии.

## Часть 1

# ТАЙНА СМЕРТИ БРЕЖНЕВА

Политическая карьера Л.И. Брежнева на высших должностях в СССР была необычайно продолжительной. Впервые он стал секретарем ЦК КПСС еще при Сталине, осенью 1952 года. Весной 1960-го занял главный государственный пост страны, став председателем Президиума Верховного Совета СССР. С октября 1964 года и до конца своих дней Брежнев был первым, а затем Генеральным секретарем ЦК КПСС. Таким образом, в общей сложности Брежнев входил в состав высшей политической и государственной элиты Советского Союза на протяжении трех десятилетий.

Как и все его ближайшие соратники, Брежнев был человеком войны. Это значит, что его жизненный и политический опыт, его понимание важнейших государственных интересов сложились в основном в военные годы. Соответственно, занимая высшие посты в партии и государстве, он направлял свои главные усилия на укрепление оборонной мощи и международных позиций Союза ССР. И преуспел в этом благом деле.

В последние годы жизни Брежнев тяжело болел. Именно в этот период он превратился в объект огульной критики и ядовитых насмешек как внутри страны, так и за ее рубежами. Больше всего Брежнева упрекали за то, что он якобы цепляется из последних сил за власть, не хочет уступить своего места.

Однако сейчас, когда о тех временах опубликовано уже множество авторитетных документов, стало очевидно, что Брежнев неоднократно пытался решить проблему преемника, начиная еще с середины 70-х. Тогда на эту роль предполагался первый секретарь Ленинградского обкома партии Романов. Позже появлялись и другие кандидатуры, и всегда это было сопряжено с обострением подспудной политической борьбой вокруг фигуры Брежнева. Нельзя исключить, что одна из очередных вспышек подобного рода приблизила час кончины 75-летнего генсека.

На эту мысль наводят, в частности, появившиеся за последние годы свидетельства об обстоятельствах, сопутствовавших смерти Брежнева утром 10 ноября 1982 года на даче в Заречье. Наиболее близко оказались к событиям того ноябрьского утра три человека. Первый — полковник КГБ Владимир Медведев, состоявший в личной охране Генерального секретаря на протяжении почти полутора десятилетий. Именно Медведев первым обнаружил Брежнева мертвым. Свои воспоминания об этом событии он подробно изложил в интересной книге «Человек за спиной».

Второй авторитетный свидетель — бывший начальник знаменитого 4-го Главного управления при Минздраве СССР, самый главный из всех кремлевских врачей, академик Евгений Чазов. Первым из медиков он оказался у тела умершего Брежнева. Его перу принадлежит книга «Здоровье и власть». На ее страницах он представил собственную версию обстоятельств смерти Брежнева. Третий человек, без участия которого трудно составить целостную картину событий, это — Юрий Андропов. Он не оставил после себя никаких свидетельств. Однако кое-что в этом плане сделали за него двое названных выше и еще некоторые другие авторы.

Попробуем теперь, опираясь главным образом на поименованные выше издания, реконструировать последовательность и логику обстоятельств, сопутствовавших кончине Брежнева.

\* \* \*

В самом начале 80-х годов, в своих поисках кандидатуры возможного преемника, Брежнев остановился на Андропове. К этому времени Юрий Владимирович был уже зрелым, многоопытным политиком. Полтора десятилетия он успешно возглавлял КГБ СССР. Его имя пользовалось известностью и авторитетом как в нашей стране, так и за рубежом. По своим качествам он был готов принять на свои плечи главную ответственность за судьбу великой державы и стремился к этой цели. О последнем свидетельствует Чазов, состоявший с Андроповым на протяжении многих лет в особо близких, доверительных отношениях: «он всегда мечтал встать во главе партии и государства».

Воспользовавшись скоропостижной кончиной в январе 1982 года второго секретаря ЦК Суслова, Брежнев провел через Политбюро решение о переводе на его место Андропова. Этот шаг дался генсеку непросто. Судя по всему, в Политбюро существовала сильная оппозиция идеи продвижения вверх Андропова. Косвенно об этом свидетельствуют несколько фактов. В частности, возражения Юрия Владимировича не были приняты во внимание при назначении вместо него Председателем КГБ СССР руководителя украинского республиканского КГБ Федорчука.

Кроме того, перебравшись в кабинет Суслова на Старой площади, Андропов достаточно долго находился как бы не у дел, оказался в тени. Только на майском

(1982 года) Пленуме ЦК КПСС он был избран секретарем ЦК, и только после этого формально определился его статус как второго лица в партии. Однако, немаловажная деталь, и после Пленума ему не было передано курирование одним из основных структурных подразделений аппарата ЦК — отделом организационно-партийной работы. Он остался по-прежнему за Черненко.

Трудно назвать персонально всех, кто составлял оппозицию Андропову. Открытая политическая борьба была не в традициях Политбюро. Ясно, что против его выдвижения возражал Черненко. Известно также, что еще с конца 70-х у Андропова не сложились отношения с весьма близко стоявшим к Брежневу украинским лидером Щербицким. Не относился к числу сторонников Андропова первый секретарь МГК партии Гришин. Были, видимо, и другие оппоненты.

Тем не менее, начиная с лета 1982 года Андропов, обладавший несомненным ярким политическим талантом, постепенно укрепляет свои позиции в руководстве КПСС. Его акции как потенциального преемника Брежнева неуклонно идут вверх. И вдруг осенью того же года в аппарате ЦК начинают активно курсировать слухи, будто на предстоящем в ноябре Пленуме ЦК КПСС предполагается переход Брежнева на должность Председателя партии, а новым Генеральным секретарем будет рекомендован 64-летний Щербицкий. В своих политических мемуарах Гришин также говорит о слухах, согласно которым Брежнев «хотел на ближайшем Пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии. Осуществить это Л. И. Брежнев не успел». Есть на этот счет и другие свидетельства подобного рода. В частности, у Горбачева.



Что же послужило поводом для слухов? Ответ на этот вопрос лежит сверху: Брежнев убедили в том, что Андропов, при всех его несомненных достоинствах, уже много лет тяжело больной человек. Поэтому он не может принять на себя ответственность за страну. В конце октября, видимо, под впечатлением таких речей, Брежнев неожиданно позвонил Чазову: «Евгений, почему ты мне ничего не говоришь о здоровье Андропова? Как у него дела? Мне сказали, что он тяжело болен и его дни сочтены... Понимаешь, вокруг его болезни идут разговоры, и мы не можем на них не реагировать».

Накануне ноябрьских праздников у Чазова снова раздался звонок. Это был весьма встревоженный Андропов: «Я встречался с Брежневым, и он меня долго расспрашивал о самочувствии, о моей болезни, о том, чем он мог бы мне помочь. Сказал, что после праздников обязательно встретится с вами, чтобы обсудить, что еще можно сделать для моего лечения. Видимо, кто-то играет на моей болезни. Я прошу вас успокоить Брежнева и развеять его сомнения и настороженность в отношении моего будущего».

Думаю, вряд ли найдется человек, способный позавидовать Чазову, оказавшемуся таким образом между Брежневым и Андроповым.

\* \* \*

Утром 7 ноября 1982 года Брежнев, как всегда, стоял на трибуне ленинского мавзолея. День был холодный, стылый. Официальные торжества по этой причине свернули быстро. Однако Брежнев чувствовал себя вполне удовлетворительно. На следующий день, 8 ноября, в Завидове он даже принял участие в охоте. Но сам уже не стрелял. Сидел в машине и наблюдал за действиями

охотников, азартно соперничал им. Еще через день, 9 ноября, отдохнувший, в хорошем настроении приехал, как оказалось, последний раз на работу в Кремль.

По линии охраны дежурил в этот раз Медведев. Он пишет о последних посетителях Брежнева: «Никто к нему не заходил в этот день, кроме помощников и референтов». Но есть на этот счет и другое, не менее авторитетное свидетельство. В тот день дежурным секретарем в приемной генсека работал Олег Захаров, с которым у меня, автора настоящих строк, были давние дружеские отношения. Олег Алексеевич проработал с Брежневым десять лет. После него был секретарем последовательно у Андропова и Черненко. Из трех генсеков с особым уважением относился именно к Андропову. В 1991 году Захаров опубликовал в еженедельнике «Гласность» от 8.08. свои заметки «О Юрии Владимировиче Андропове». В них вспомнил между делом и о последнем рабочем дне Брежнева.

По словам Захарова, утром 9 ноября из Завидова ему позвонил Медведев, который сообщил, что генсек приедет в Кремль в районе 12 часов и просит пригласить к этому времени Андропова. Что и было сделано. Далее: «Брежнев прибыл в Кремль примерно в 12 часов дня в хорошем настроении, отдохнувшим от праздничной суеты. Как всегда, приветливо поздоровался, пошутил и тут же пригласил Андропова в кабинет. Они долго беседовали, судя по всему, встреча носила обычный деловой характер».

У меня нет ни малейших сомнений в том, что Захаров точно зафиксировал факт последней продолжительной встречи Брежнева и Андропова. Вместе с тем не могу допустить, что о ней мог запомнить Медведев. Выходит, у него были причины для умолчания?

Скорее всего, теперь уже навсегда останется тайной, о чем накануне своей смерти Брежнев долго беседовал с Андроповым. Однако с большой долей вероятности можно предположить, что речь шла о предстоящем Пленуме ЦК. Праздники остались позади, и подготовка к Пленуму превратилась в главную задачу дня. Будучи вторым секретарем, Андропов имел к ней прямое отношение. Если так, то столь же вероятно, что в беседе был затронут главный кадровый вопрос: о преемнике Генерального секретаря. Так или иначе, но днем 9 ноября Андропов стал, похоже, единственным обладателем какой-то важной информации о ближайших планах Брежнева.

Как пишет Медведев, вечером этого дня, за ужином в Заречье, Брежнев, «человек большой выдержки и мужества, впервые пожаловался на боль в горле». Других жалоб не было. Не став смотреть свою любимую передачу «Время», он пожелал всем спокойной ночи и поднялся в спальню. Около одиннадцати вслед за ним поднялась его супруга Виктория Петровна.

...Утром 10 ноября полковник Медведев закончил свое суточное дежурство и собирался ехать домой отдыхать. Однако заступивший ему на смену Владимир Собаченков, которому предстояло идти будить Брежнева, попросил пойти вместе с ним: «разбудим, потом поедем». Такие просьбы случались у него и раньше, но не часто. В этот раз вышло особенно удачно: все остальное происходило при свидетелях. Как обычно, ровно без двух минут девять офицеры покинули служебное помещение. Вошли в дачу. На первом этаже в столовой завтракала Виктория Петровна. Супруга генсека страдала диабетом. Поэтому ежедневно в начале девятого приезжала медсестра, делала ей укол инсулина. После чего

подавали завтрак. Факт важный для привязки во времени. Поприветствовав Викторию Петровну, офицеры поднялись в спальню.

Здесь Собаченков сразу направился к окну, с шумом отдернул штору. Брежнев не пошевелился. Тогда Медведев легко потрогал его за предплечье: пора вставать. Никакой реакции. После повторных, более энергичных попыток разбудить генсека, Медведев, потрясенный, ставит диагноз: Леонид Ильич готов...

Возникает естественная в такой ситуации паника. Собаченков бросается к телефонам. Но кому звонит, неизвестно. В комнату влетает комендант генсека Сторонов. Вдвоем с Медведевым они стаскивают тяжелое тело Брежнева с кровати на пол и начинают делать искусственное дыхание. Выбываясь из сил, телохранитель и комендант продолжают свои попытки примерно полчаса, пока в спальне не появляется... Угадайте, кто? Взмыленные реаниматоры? Перепуганный Чазов? Ошалевший от страха ближайший участковый врач? Все мимо. Правильный ответ: пока в спальне не появляется серый лицом секретарь ЦК по идеологии Андропов. «Ну что тут?» — спросил он. «Да вот... — засмутился при виде начальства полковник, — по-моему, умер». Как пишет Медведев, его удивило, что «Андропов не задавал лишних или неприятных для нас вопросов». Он просто констатировал, что ничем уже не поможешь, и спустился вниз к Виктории Петровне.

Тут возник начальник 4-го Управления Чазов. Простодушный читатель, наверное, полагает, что, увидев бездыханное тело своего наиважнейшего пациента, Чазов тут же выхватил стетоскоп, принялся прослушивать Брежнева, искать у него в отчаянной надежде пульс, заглядывать в зрачки, попутно причитая, дескать, беда-то какая, не оказалось врача рядом, потом затребовал для

анализа все успокоительные таблетки, которые мог принимать в эту ночь генсек, и прочее, и прочее.

Если читатель так подумает, то будет действительно простодушным. На самом деле академик был так же спокоен и уравновешен. На слова Медведева: «Был еще теплый», — не реагировал. Но охранников похвалил, мол, сделали все, как надо. Потом спросил: где Андропов? И пошел вниз.

Наконец, приехали реаниматоры. Вместе с ними в спальню вернулся Чазов и с ним плачущая Виктория Петровна. Похоже, о случившемся ей сказал Андропов. Реаниматоры поинтересовались у Чазова: «Ну что? Делать?» Он согласился: «Делайте». Они поработали минут десять своими приборами для искусственного дыхания, потом сложили их в чемодан и уехали. После них грузное тело Брежнева подняли с пола на кровать. Связали руки. Эпоха закончилась.

Позже Виктория Петровна пеняла охране, что они не сообщили ей сразу. Медведев оправдывается: «Я ей сообщу, а потом приедут врачи, вдруг приведут Леонида Ильича в чувство, а Виктория Петровна уже будет лежать с сердечным приступом». Получается, Медведев допускал, что Брежнев может быть приведен в чувство.

\* \* \*

Чазов утверждает, что 10 ноября, как обычно, к 8 утра приехал на работу. Не успел войти в кабинет, раздался звонок правительственной связи. Это был Собаченков. Он сказал, что Леониду Ильичу срочно нужна реанимация. Именно реанимация, не катафалк. Услышав такую новость о человеке, который совсем недавно намеревался разобраться с ним по поводу здоровья Андропова, Чазов поспешил на место происшествия. На

ходу бросив секретарю в приемной, чтобы следом выслали «скорую». Проскочив под вой сирены Кутузовский и часть Минки, через 12 минут прибыл в Заречье. Получается, что он оказался на месте примерно за 40 минут до того, как Медведев и Собаченков направились будить своего подопечного. Как помним, это произошло без двух минут девять.

Примчавшись на дачу и едва взглянув на Брежнева, Чазов сразу определил, что тот «скончался несколько часов назад». Видимо, поэтому он не стал осматривать Брежнева, чтобы официально констатировать факт его смерти. Вместо этого он дождался «скорую». Она приехала, и врачи принялись за «реанимационные мероприятия», хотя их начальнику Чазову и без того все было ясно.

Дальше начинается самое интересное. Стоя над трупом Брежнева, Чазов решал две неотложные задачи. Первая: как сообщить о случившемся Виктории Петровне? Выходит, она, даже после прибытия «скорой», все еще ни о чем не догадывалась. Ну, это ладно. Вторая головоломка была потруднее: кому, а главное, — как сообщить в руководстве? По телефону опасно. Могут подслушать Федорчук или Щелоков. Деталь любопытная. Напомню, что Федорчук был в те дни Председателем КГБ, а Щелоков — министром внутренних дел СССР. Они что, состояли в заговоре против Советской власти? И Чазову было об этом известно? Между прочим, и Медведев, и Собаченков как офицеры КГБ были, надо полагать, обязаны доложить о ЧП своему начальству «по команде». Почему они этого не сделали — вопрос.

Как опытный политический деятель, в сложившейся ситуации Чазов принимает единственно правильное решение: звонить Андропову. Пусть он «как второй человек в партии и государстве» возьмет в свои руки даль-

нейший ход событий. В интересах истины замечу, что Андропов тогда не занимал государственных постов, а значит, не был «вторым в государстве».

Впрочем, идем дальше. Поиски Андропова затягиваются. Задерживается где-то по пути на работу. Наконец, находят. Он появляется на даче, взволнованный и растерянный. Почему-то суетится и вдруг просит, «чтобы мы пригласили Черненко». Но тут вмешивается Виктория Петровна, которая все уже знает и теперь тоже начинает делать политику. Она решительно возражает против приезда Черненко: мужа он ей не вернет, а без этого «ему нечего делать на даче». Похоже, Андропов и Чазов обязались «мужа вернуть» и поэтому им позволили остаться. По ряду соображений, распространяться о которых здесь нет места, лично я сомневаюсь в том, что подобное заявление со стороны Виктории Петровны действительно имело место. По сути, имя Черненко используется в данном случае в качестве своеобразной подставки, призванной дать интересующимся людям, что называется, ложный след.

Наконец, ударная финальная сцена. Андропов просит своего друга Чазова проводить его в спальню генсека, чтобы попрощаться с покойным. И вот: «Андропов вздрогнул и побледнел, когда увидел мертвого Брежнева». Чазов полагает, что это была реакция на посетившую Андропова идею: «все мы смертны, какое бы положение ни занимали». Со своей стороны, допускаю, что Андропов был достаточно закаленным человеком, чтобы не вздрагивать в ответ на подобные банальности. Скорее, все-таки он вздрогнул при мысли, что примерно через час ему предстоит войти в эту спальню еще раз, чтобы отработать свою роль теперь уже по варианту Медведева.